

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

12 января 1995 г. в Институте русского языка РАН состоялись ежегодные двадцать шестые Виноградовские чтения, посвященные 100-летию со дня рождения акад. Виктора Владимировича Виноградова (1895–1995). Чтения открыл директор Института русского языка чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. Во вступительном слове он сообщил собравшимся о присвоении Институту русского языка РАН имени Виктора Владимировича Виноградова. Далее выступавший отметил, что Виноградовские чтения – всегда события в научной жизни. В.В. Виноградов – представитель эпохи энциклопедических знаний о языке, продолжавшейся до 50-х годов. Начиная с 60-х годов, происходит дифференциация лингвистических знаний, и сегодня пока еще нет обобщений, подобных тем, которые были сделаны В.В. Виноградовым. Почти каждой области, где работал В.В. Виноградов, соответствует своеобразная методологическая традиция сегодня: “Система в лексике, система в грамматике” (Н.Ю. Шведова), “Интегральное описание языка” (Ю.Д. Апресян), “Логика и язык” (Н.Д. Арутюнова). И в этом связь с традицией и устремленность в будущее. Ю.Н. Караулов подчеркнул, что идея интегральности может быть рассмотрена как продолжение того энциклопедического подхода, которое было свойственно В.В. Виноградову.

С докладом “В.В. Виноградов: из биографии (арест, тюрьма, ссылка)” выступил А.П. Чудаков. Изучение биографии В.В. Виноградова только начинается, многим кажется, что он – пример удачной судьбы, однако его жизнь была далеко не благополучна. Докладчик рассматривал малоизвестный период из жизни В.В. Виноградова – 1935–1936 гг. 8 февраля 1934 г. В.В. Виноградов был арестован по сфабрикованному НКВД делу так называемой “Российской национальной партии”, или “делу-

славистов”, по которому были арестованы также известные лингвисты Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинский, А.М. Селищев, В.Н. Сидоров и др. Используя материалы следственного дела, хранящегося ныне в Центральном архиве МБ РФ, докладчик осветил обстоятельства ареста Виноградова и содержания его в одиночке Лубянского изолятора и Горьковской пересыльной тюрьмы, привел протоколы допросов и текст обвинительного заключения, сопроводительные документы при высылке в Вятку (Киров) и др. В Вятке В.В. Виноградов с первых же дней приступает к работе – заканчивает знаменитую статью «Стиль “Пиковой дамы”», над которой он работал еще в тюремной камере, работает над книгами “Современный русский язык”, книгой “Стиль Пушкина”, пишет за короткий срок статьи “Язык Гоголя” и “О языке Толстого”, работает над статьями для “Толкового словаря” под ред. Д.Н. Ушакова. И все это в тяжелых условиях ссылки, при отсутствии необходимой научной литературы, а впереди у ученого была еще одна ссылка – во время войны – в Тобольск.

В докладе Е.А. Иванчиковой (Москва) “Филологическая концепция В.В. Виноградова и Достоевский” было показано, как творческие достижения писателя служили живым источником идей ученого, как они включались в самое существо его филологической концепции в разных аспектах. В тонком, точном и емком анализе текстов Достоевского В.В. Виноградов глубоко и адекватно раскрывал наиболее специфичные черты индивидуального стиля художника. Работы Виноградова о стиле и языке Достоевского образуют в своей совокупности фрагменты двух цельных замыслов циклов изысканий: лингвостилистического и эвристического, текстологического. Лингвостилистический анализ был осуществлен Виноградовым в русле создававшегося им учения о языке художественной литературы с многоликим, изменчивым,

подвижным “образом автора” в его центре. В работе, посвященной “Двойнику”, Виноградов раскрывает всю необыкновенную сложность этого произведения, в котором “образ автора” оказывается глубоко скрытым за меняющимися ликами повествователя. В качестве образца реалистического изображения отдельного социального характера с помощью речевого самораскрытия героя анализируется речь Макара Девушкина в книге В.В. Виноградова “О языке художественной литературы”, где показано, как по экспрессивной “характерности” этой речи узнается индивидуальный образ Девушкина. Но вместе с тем в письмах героя усматривается завуалированный экспрессией “бедного человека” лик писателя-реалиста, выразителя социальных и публицистических идей своего времени, и категория “образа автора” предстает уже в аспекте “точки зрения” – идейной, оценочной позиции. При этом авторская оценочность извлекается Виноградовым непосредственно из лексико-синтаксической структуры “речей-писем” Макара Девушкина. Менее компактны, но столь же проникновенны принадлежащие Виноградову лингвостилистические характеристики других художественных, а также публицистических текстов Достоевского. Е.А. Иванчикова отметила, что идея взаимной обусловленности индивидуального стиля и “образа автора” лежит в основе разрабатывавшейся Виноградовым проблемы авторства. Обоснованию и развитию этой проблемы Виноградов посвятил свою книгу “Проблемы авторства и теория стилей”. Тщательное и разностороннее филологическое изучение стилового и языкового своеобразие творчества Достоевского позволило Виноградову сделать замечательные текстологические открытия: доказать авторство Достоевского в отношении некоторых анонимных произведений.

В докладе А.Я. Шайкевича (Москва) “В.В. Виноградов и современная семантика” было предложено сопоставление мыслей Виноградова, посвященных семантической теории, с некоторыми характерными тенденциями современной семасиологии. Как отметил докладчик, главная оригинальная мысль статьи В.В. Виноградова “Основные типы лексических значений” – существование разных типов значений, и в связи с этим призыв к варьированию подходов к семасиологическому описанию. Эта мысль, по мнению А.Я. Шайкевича, и не была услышана. Докладчик отметил, что современным семасиологам, занятым построением цельной теории, которая объяснила бы все факты, попадающие в поле зрения исследователя, эта глубокая и плодотворная мысль чужда. Для

современной семасиологии характерна одна общая черта – преимущественно лексикографический стиль, призванный исчерпывающим образом описать данный объект, – слово или особое значение слова – в отличие от других объектов. Для этого конструируется специальный метаязык описания значения и/или операций над значениями. Идеальным полем для таких подходов, как считает докладчик, были бы терминологические системы, которые, однако, редко интересуют лингвистов. В определенной степени обращение к словарным дефинициям можно обнаружить и у Виноградова, по преимуществу как объект критики, иногда и в позитивных примерах. Однако почти никогда В.В. Виноградов не решался на новую дефиницию. Вместе с тем, противопоставление теории Виноградова и современной семантики есть одновременно противопоставление исторической и синхронной семасиологии. Четкое описание синхронной семантики отдельного слова не объяснит будущей эволюции этого слова. Выделение экспрессивно-синонимического значения в статье В.В. Виноградова было, по мнению докладчика, шагом на пути отказа от догмата единства и самодостаточности слова, в котором виделось чуть ли не преимущество советского подхода над буржуазным. Докладчик также отметил еще одно важное отличие: В.В. Виноградов выгодно отличается своим позитивизмом и осторожностью от многих современных семасиологов, знающих все о картине мира отдельного человека и всего народа.

Е.М. Верещагин (Москва) прочитал доклад “Древнерусские источники, переведенные с латыни, и их особое значение для истории книжно-письменного языка”. Им рассмотрены две рукописи, содержащие выполненный в Новгороде в 1490-х гг. перевод 1-й и 2-й Маккавейских книг, – негlossированная версия Макарьевской Великой Минеи Четии (Син. 997) и версия Геннадиевской Библии (Син. 915), содержащая глоссы. Многочисленная латинская лексика, содержащая прилагательные, наречия и глаголы, показательна для выявления культурных лакун и готовности языка быть средством выражения чужой культуры. В докладе была рассмотрена также практика glossирования и последующих субституций, свидетельствующая как о неосвоенности лексики, так и о промежуточности переводческих решений. В источниках наблюдаются случаи так называемой фассилиации, т.е. вариативных переводов. Наиболее интересны случаи введения в славяно-русский текст иноязычных падежно-предложных единств и глагольных форм, а также гибридизации морфологии. В докладе

были рассмотрены также некоторые особенности переводов с латыни на фоне с греческого и иврита.

Е.Н. Ш и р я е в (Москва) прочитал доклад "Текст: идеальное начало и его реализации в разных функциональных разновидностях". Логико-грамматическая концепция в исследовании языка, представленная в русском языкознании работами Н.Д. Арутюновой и ее последователей, позволила определить четыре компонента, необходимые для начального развития любого текста: бытийный (*У меня есть сын*), именующий (*Его зовут Петя*), идентифицирующий (*Петя – это тот мальчик, которого ты вчера видел*) и характеризующий (*Петя хороший шахматист*). Тексты, в которых специальными конструкциями последовательно представлены все четыре компонента, чрезвычайно редки, и поэтому, по мнению докладчика, могут рассматриваться как некая идеальная структура, на основе которой можно понять реальные структуры начала текстов. Есть основания полагать, как отметил докладчик, что в разных функциональных разновидностях языка идеальное начало текстов реализуется по-разному. В частности, в информационном газетном жанре, который был выбран объектом анализа в этом плане, все компоненты, кроме характеризующего, могут быть неявным образом представлены в таких областях, как сами характеризующие предложения, названия информационных заметок, некоторая "сквозная", повторяющаяся из номера в номер, информация, фоновые знания читателей, на которые рассчитывают информаторы.

В.П. Г р и г о р ь е в (Москва) в докладе "Анненский, Хлебников, Мандельштам: слово *ветер*" остановился на лексикографическом аспекте исследования данной темы. С идеей Е.Д. Поливанова о Codex'e Poeticarum, так и неосуществленной, сегодня может быть сопоставлена идея о представительной компьютерной базе. Самая трудная проблема, возникающая при работе с корпусом текстов, – проблема отбора. Множество контекстов,

с эстетической точки зрения, – очень разные. И выбор заголовочного слова только потому, что оно организует рифму, – критерий явно недостаточный. Поэтому подобная статья, может быть, должна включать и эпитеты к слову, и паронимы, и олицетворения. Однако при таком подходе возникает ряд вопросов: например, степень полноты представления эпитетов – они должны быть представлены все, весь корпус контекстов или только часть, выбранная по определенному принципу. Радикальных решений этих практических задач пока нет. Очевидно, однако, что ключевые слова для поэтического идиостиля – это перспективные концепты. Хронологический принцип размещения концептов несовместим с многоуровневым исследованием поэтики слова. И поэтому в дальнейшем, как отметил докладчик, необходимо будет решать задачу структурирования параметров словарной статьи, адекватно отражающей задачи и материал исследования.

В докладе Ю.Д. А п р е с я н а (Москва) "*Хотеть* и его синонимы: заметки о словах" на материале одного из базовых синонимических рядов русского языка были рассмотрены принципы и приемы решения лексикографических проблем, возникающих при составлении Нового объяснительного словаря синонимов русского языка. Главная из них заключается в том, чтобы описать лексику как систему. С этой целью для характеристики семантических, прагматических, коммуникативных, сочетаемостных, синтаксических, морфологических, просодических и иных сходств и различий между синонимами вводится набор достаточно общих признаков, релевантных для других синонимических рядов и, по возможности, для языка в целом. На основе таких признаков лексема предстает как элемент одного или нескольких лексикографических типов. Вторая важная проблема состоит в том, чтобы достроить лексикографический тип до лексикографического портрета, указав все личные свойства каждой лексемы, входящей в синонимический ряд.

Ю.А. Сафонова (Москва)

9-12 сентября 1994 г. в Кракове состоялся А с п е к т о л о г и ч е с к и й с и м п о з и у м, организованный Международной грамматической комиссией при Международном комитете славистов. Проведение

симпозиума стало возможным в значительной мере благодаря усилиям председателя Международной грамматической комиссии С. К а р о л я к а. В симпозиуме приняли участие известные аспектологи-слависты,

представляющие различные направления лингвистических исследований. Обсуждались существующие подходы к изучению категории вида, новые модели видовой семантики, аспекты взаимодействия вида с другими грамматическими категориями, а также с лексикой.

В докладе А.В. Бондарко (Россия) "О возможных подходах к изучению видовой семантики" были рассмотрены: 1) подход к анализу категории вида, основанный на теории общих и частных значений грамматических форм; 2) подход, базирующийся на понятии аспектуальности; 3) концепции, ориентированные на изучение видовой семантики в высказывании и целостном тексте. Основное внимание было сосредоточено на принципах: а) интенциональности грамматической семантики, б) разграничения значения и смысла, в) выделения в изучаемых значениях смысловой основы и интерпретационного компонента, г) соотношения функций-потенций и функций-реализаций, д) взаимодействия системы и среды. Используются понятия функционально-семантического поля и категориальной ситуации.

Рассматривая проблемы аспектологии текста, автор уделит особое внимание категории временной последовательности (ВП). ВП трактуется как отражаемое в высказывании и целостном тексте представление однонаправленного потока времени ("временной оси"), воплощенного в "движении событий". Языковая интерпретация ВП включает оппозицию динамичности и статичности. Данная оппозиция находит выражение в различных типах употребления видовых форм глагола. Категория ВП рассматривалась в докладе как один из компонентов комплекса семантических категорий, отражающих различные стороны идеи времени. Были проанализированы связи ВП с другими компонентами "аспектуально-темпорального комплекса" – аспектуальностью, темпоральностью, временной локализованностью и таксисом.

А. Барентсен (Нидерланды) в докладе "Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке" предложил рассматривать важнейшие из известных до сих пор признаков – "предельность", "целостность", и "секвентную связь" (или, иначе, "смену ситуаций") – как разные ступени иерархически организованного значения совершенного вида. Автор исходит из того, что действие может быть представлено как некоторая "единица" (некоторый "квант"), как часть такой единицы или как неопределенное множество единиц.

По мнению автора, "предельность" как низшая ступень иерархии является скорее

лексическим признаком. Признак целостности предполагает наличие признака предельности и находится на второй ступени иерархии. Наиболее высоким признаком признается "секвентная связь". Суть данного признака заключается в том, что целостное предельное действие рассматривается не само по себе, а как часть более обширной картины. Устанавливается определенная связь между "исходным" и/или "итоговым" состояниями действия и хотя бы еще одной ситуацией.

Автор считает, что семантика несовершенного вида сводится к отрицанию хотя бы одного из трех названных признаков, начиная с наиболее высокого. Так, в случаях "общезначимости" НСВ речь идет именно об отрицании признака секвентной связи. Другие варианты употребления НСВ (разные случаи процессного значения) основаны на отрицании более низкого признака – "целостности". При явном различии указанные случаи объединяются тем, что в центре внимания находится "субстанция" действия, а не его "контуры". При снятии признака "предельность" исчезает основа для противопоставления СВ и НСВ. Причисление этих случаев к НСВ, однако, допустимо, поскольку и здесь действие представлено всего лишь как некоторая "субстанция".

Доклад Ж. Дюрэна (Франция) «Определение "инвариантного" значения совершенного вида на основе новой дефиниции аориста» развивает концепцию трех возможных обработок (трактовок) действия языковыми единицами: 1) описывается состояние мира непосредственно перед тем, как действие будет совершаться ("имминентная" обработка), ср.: *Он вот-вот побежит*; 2) описывается действие, пока оно совершается ("имперфектная" обработка), ср.: *Он бежит*; 3) описывается состояние мира после действия на основе его последствий ("перфектная" обработка), ср.: *Он только что бежал/побежал*. Во всех трех случаях визуализируется какое-то состояние мира, будь то в прошлом, в настоящем или в будущем.

Автор отмечает, что предикации с такой обработкой действий не могут привести к наррации. Для наррации нужен нарратив, а нарративом (или аористом) автор предлагает называть такой результат обработки действия, при котором для слушающего снимается задача ментально визуализировать действие, ср.: *Он встал, побежал к стене и вскарабкался на нее*. Автор подчеркивает, что вид в романских языках основан на оппозиции имперфекта и перфекта; при этом на периферии остаются нарратив и "имминент". По мнению автора, вид в славянских языках

основан на оппозиции имперфекта и нарратива, а на периферии остаются перфект и "имминент".

Далее автор показал, что в рамках наивной модели мира познавательной деятельности человека, представленной тремя концентрическими "сферами познания" (актуальной, узуальной и гномической), можно построить систему глагольных видов и времен в трех измерениях, и предложил новый термин "стереолингвистика".

С. К а р о л ь к (Польша) в докладе "Понятийная структура глагола и вид" обосновывает концепцию вида как внутреннего времени, содержащегося в понятиях (предикатах), формальными показателями которых являются глаголы (а также и другие части речи). Такие понятия, как состояние, действие, событие и т.п., наделены видом, т.е. принадлежат к одному или другому виду.

Автор считает релевантными для категории вида два понятия: понятие момента, или мгновения, и понятие временного континуума, или продолжительности во времени. Каждое простое понятие связано естественным образом либо с понятием мгновения, либо с понятием континуума, т.е. принадлежит по своей природе к континуативному (несовершенному) виду или к неконтинуативному (совершенному) виду. Автор отмечает, что оба вида могут выражаться на равных правах как грамматическими, так и лексическими морфемами. Отличительным признаком является генерический характер первых и специфический характер вторых. Грамматическая морфема вида близка в функциональном отношении к предикатной переменной, так как она занимает позицию, предназначенную для целого множества специфических понятий.

Автор подчеркивает, что видовая структура глагола зависит от степени сложности его понятийной структуры. Глагольные формы, сложные в понятийном отношении, содержат столько видов, сколько понятий включает их смысл. Сложным понятийным структурам соответствуют видовые конфигурации, построенные по такому же принципу, по которому строятся зависимостные структуры: один вид в них иерархически главный, другие же подчинены ему. Синтаксическое функционирование глагола регулируется видом иерархически доминирующим. Этот вид нельзя отождествлять с единственным видом, которым, согласно традиции, обладает глагол как отдельное слово.

В докладе Х.Р. М е л и г а (Германия) "Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени" показано, что различие между индивидуативами (именами исчисляе-

мыми) и континуативами (именами неисчисляемыми) на уровне глагольных предикаций соответствует различию между трансформативными и нетрансформативными описаниями ситуаций. Трансформативы обозначают во временном отношении гетерогенные объекты, а именно абсолютные (*разводить новую породу лошадей*) или относительные (*вода мутнеет*) изменения состояний и в связи с этим, как правило, образуют аспектуальные пары. В своей временной гетерогенности трансформативы представляют собой глагольные индивидуативы. В отличие от трансформативов, нетрансформативы обозначают по аналогии с континуативами гомогенные и ингерентно неограниченные ситуации. В связи с этим перфективация осуществляется только через фазовые способы действий. При этом делимитативный способ действия на именном уровне соответствует родительному партитивному (*немного погулять – немного чаю*), а так называемый одноактный способ действия – именным сингулятивам (*хлопать/хлопнуть в ладоши – горох/горошина*). Автор отмечает, что трансформативы, как и индивидуативы, могут быть вторично гомогенизированы, когда они относятся к неограниченной и тем самым гомогенной серии ситуаций (*два килограмма яблок – три дня принимать лекарство*). В этом случае перфективация осуществляется только через делимитативный способ действия (*непринимать лекарство*). Таким образом становится ясно, что способ перфективации окончательно определяется не отнесением описания ситуации к классу трансформативов или нетрансформативов, а различием между гомогенностью и гетерогенностью.

Т.В. Бу л ы г и н а (Россия) в докладе "Семантико-синтаксические особенности разных типов видовых форм в русском языке и вопрос об их лексикографической трактовке" отметила, что трактовка имперфективного члена видовой пары путем простой отсылки к видовому корреляту, принятая в толковых словарях русского языка, часто неадекватна. Помимо "тривиального" семантического отличия имперфективного члена от перфективного, между ними возможны также разнообразные "нетривиальные" отличия. В качестве примера приводится соотношение между *решать* и *решить* (*решать* значит "заниматься мыслительной или вербальной деятельностью, которая должна привести к событию, именуемому глаголом *решить*"). Почти противоположное соотношение наблюдается между членами пары *понимать/понять*. Здесь, наоборот, событие

предшествует состоянию. Еще более своеобразно отношение между парами *продолжать/продолжить* или *догадываться/догадаться*. Члены видовой пары нередко различаются и синтаксическими свойствами.

Автор указывает, что члены разных видовых пар характеризуются также различным выбором придаточных предложений (что-предложений, косвенно-вопросительных предложений и пр.). В докладе было высказано мнение, что запрет на сочетание такого типа объясняется теми же причинами, что и отмеченная А. Вежицкой невозможность сочетаний типа **Он (сейчас) пьет воды*, **Он (сейчас) бежит сто метров* (ср. возможное *Он пробегает стометровку*). Подчеркивается, что данный запрет вопреки распространенным формулировкам имеет семантическую, а не формальную природу (так, приводятся примеры, когда глагол НСВ в событийном значении способен сочетаться с партитивом и т.п.). В заключение обсуждаются несколько способов лексикографической фиксации указанных особенностей разных аспектуальных форм.

В докладе Ф. Лемана (Германия) "Типы акциональных альтернатив у полисемичных глаголов" в центре внимания находится тот факт, что один глагол может иметь более одного видового партнера, например *готовить*: 1) *подготовить*, 2) *приготовить*, 3) *заготовить*. По мнению автора, из этого следует, что а) видовые пары партнерства нужно описывать и на уровне лексико-семантических вариантов (лексических значений), б) необходимо выработать инвентарь акциональных компонентов лексических значений полисемичных глаголов, т.е. акциональных значений глаголов, в) нужно составить инвентарь акциональных альтернатив, т.е. инвентарь тех оппозиций акциональных значений, которые имеются в полисемичных глаголах типа *говорить* или *готовить*.

Автор считает, что определенный тип акционального значения соответствует той части лексического концепта, которая определяет вид альфа-глагола (семантически немаркированного глагола в видовом партнерстве); эта часть концепта остается неизменной при образовании бета-глагола (семантически маркированного видового партнера). Отмечается, что акциональные альтернативы могут выступить как тип, реализующийся во многих глаголах, или как более или менее отдельные случаи. Автор выделяет различные типа альтернатив.

З. Генчева (Франция) в докладе "Болгарский перфект и оппозиция совершенный–

несовершенный вид" отмечает несколько причин, определяющих сложность семантики перфекта в болгарском языке: 1) ф о р м а л ь н ы е: а) сложность формирования перфекта (сочетание действительного аористного причастия + настоящее время вспомогательного глагола *съм*); б) сохранение форм аориста и имперфекта, систематическое использование оппозиции совершенного/несовершенного вида в аористе, в имперфекте и в перфекте; в) появление имперфектного причастия; 2) с е м а н т и ч е с к и е: а) изменения, которые произошли в семантике действительного причастия; б) появление модального значения перфекта; в) развитие модального значения перфекта и появление инферентного значения; г) оформление пересказывательных форм для выражения действия, для которого говорящий не является непосредственным очевидцем, а лишь "медиатором".

Автор показывает, какую роль играет вид в постепенном расширении прототипического значения перфекта и как осуществляется переход от значения результативного состояния к значению перфекта опыта и перфекта инференции. Раскрывается зависимость значения перфекта от лексического значения глагола, от вида, от лица (в 3-м лице значение результативного состояния и значение перфекта опыта выражаются слабее), от контекста. Предлагаемый автором анализ опирается на следующие исходные понятия: состояние (ситуация не предполагает никакого изменения, т.е. она гомогенная), процесс (ситуация изменяется, т.е. имеется начальное изменение и каждое последующее событие не идентично с предшествующим) и событие (ситуация, которая обозначает перерыв на фоне стабильной ситуации). Репрезентация этих понятий делается при помощи топологического интервала. Автор показывает, как непосредственно результативная связь с событием и с моментом акта коммуникации постепенно становится более отвлеченной.

Е.В. Падучева (Россия) в докладе "Почему нельзя сказать **Я пью воды*?" обращается к классической проблеме, поставленной Р. Якобсоном в 1936 г., – о несочетаемости НСВ с партитивом в русском языке. Партитив рассматривается в составе широкого спектра других количественных групп, которые характеризуются тем же ограничением сочетаемости. Так, недопустимы, в актуально-длительном значении НСВ: (1) *Он принимает таблетку аспирина*; (2) *Он ест две груши*; (3) *Он пьет весь сок*; (4) *Он покупает несколько журналов*; (5) *Он читает половину рукописи*. Ставится вопрос

о природе этого ограничения сочетаемости: можно ли дать ему семантическое обоснование, или же этот запрет носит чисто грамматический характер.

Автор рассматривает три семантических фактора, которые делают невозможной замену СВ на НСВ в контексте количественной группы (КГ): а) КГ расчленяет действие на последовательные акты, в каждом из которых принимает участие только один член совокупности, как в (2); б) КГ обозначает незапланированный результат деятельности субъекта, а своего рода промежуточный итог, как в (5); в) КГ выражает значение неопределенности, как в (1) и (4). Именно последний фактор имеет отношение к партитиву.

В докладе В.С. Храковского (Россия) "Вид и наклонение", во-первых, было показано, что взаимодействие грамматических категорий глагола в большой мере предопределяется устройством семантического представления глагольных словоформ; во-вторых, был предпринят соотносительный анализ терминов: взаимодействие, взаимообусловленность, взаимосвязь; в-третьих, на материале русского языка было проанализировано взаимодействие вида и наклонения, из которого следует, что семантика и функционирование несовершенного и совершенного видов в императиве заметным образом отличаются от их семантики и функционирования в индикативе.

В докладе Ю.А. Пупынина (Россия) "Взаимные связи грамматических категорий вида и залога в русском языке" рассматриваются особенности реализации аспектуальных функций в пассивных конструкциях в сопоставлении с активными. В условиях пассива регулярным становится предельный характер процессных ситуаций, а также расширяются возможности выражения неограниченно-кратной и обобщенно-фактической функций несовершенного вида. По мнению автора, в грамматическом содержании пассивно-причастной формы совершенного вида типа *был открыт* сочетаются два семантических элемента: 1) конкретного факта и 2) результативного состояния. Лишь в конкретных условиях употребления один из указанных элементов может доминировать, напр.: *В одно мгновение дверь была открыта* и *Дверь была открыта, слышались голоса*. В докладе показана темпоральная специфика пассивных форм "настоящего времени" совершенного вида, которая заключается, в частности, в их способности обозначать факты, предельно близкие во времени к моменту речи. Рассмотрена возможность использовать данные формы в значении, близком к перформативному,

ср.: — *Магазин закрыт!* В докладе сопоставлены функциональные и парадигматические связи вида и залога.

Доклад А. Холвута (Бельгия) "Глагольный вид и временной дейксис" сопоставляет две концепции славянского глагольного вида. По одной концепции, видовая оппозиция имеет опосредованно дейктический характер, поскольку она основывается на признаке "одновременность/неодновременность" (Кошмидер, Минович, Сафаревич). По мнению большинства аспектологов, однако, видовая оппозиция является чисто семантической, т.е. независимой от временного дейксиса. По мнению Е. Курыловича, опосредованно дейктический характер имеет видовая оппозиция романского глагола, тогда как видовая оппозиция славянского глагола является чисто семантической. В докладе приводятся новые аргументы в пользу этой гипотезы. Главным аргументом является разная трактовка ограниченной длительности (в предложениях типа: *Он жил в Москве два года*) в славянской и романской видовых системах. В романских языках здесь употребляются исключительно формы совершенного вида, так как признак ограниченной длительности несовместим с признаком "одновременности", свойственным формам несовершенного вида в романской видовой системе. Только в славянских языках здесь возможны формы несовершенного вида, потому что в славянской системе "одновременность" не является обязательным признаком несовершенного вида.

В докладе Г.А. Золотовой (Россия) "Глагольный вид с точки зрения текста" предлагаются аргументы в пользу расширения наблюдаемого аспектологами речевого пространства. Задачу и метод лингвистического анализа автор понимает как обнаружение трех взаимообусловленных характеристик языкового явления: формы, значения и функции. Формальные характеристики глагольного вида предстают в достаточно полных описаниях словообразовательных и морфонологических средств образования видовых пар. Среди различных определений инвариантного, категориального значения вида как наиболее убедительная может быть принята оппозиция "предельность/непредельность".

Что же касается большого количества значений вида (их типов, разновидностей, их употреблений, оттенков и пр.), выделяемых исследователями, в них можно видеть нерасчлененность понятий значения и функции, а также подступы к изучению текстовых функций этих разновидностей. Анализируя мате-

риал, докладчик показывает композиционно-синтаксические функции и видо-временных форм глаголов в организации и членении текста.

В целом в докладах симпозиума основное внимание уделялось проблемам значения и употребления в сфере языковых единиц. Вопросы аспектологии оказались тесно связанными с общими проблемами лингвистической теории значения. Была выражена надежда,

что работа первого международного аспектологического симпозиума будет продолжена. Участники симпозиума высказали пожелание обсудить на следующем заседании проблему категории вида с лексической семантикой. Была отмечена необходимость создания словаря аспектологической терминологии.

Ю.А. Пупынин (Санкт-Петербург)

28–30 сентября 1994 г. в Волгоградском государственном педагогическом университете состоялась Международная лингвистическая конференция "Языковая личность и семантика". В работе конференции приняли участие филологи из Москвы, Бонны, Киева, Волгограда, Краснодара, Саратова, Воронежа, Архангельска, Пятигорска, Армавира и Борисоглебска. Работа научного совещания была организована в рамках пленарного заседания и шести секций: "Языковая личность и проблемы значения", "Лексико-семантические и грамматические категории", "Эмотивная семантика", "Культурологическая семантика", "Семантика текста и речевого действия", "Статусно-ролевая семантика".

В докладе О.Б. Сиротининой (Саратов) шла речь об оформлении статусно-речевых отношений как о признаке речевой личности применительно к элитарной и неэлитарной языковой культуре. С.Г. Воркачев (Краснодар) проанализировал семантические характеристики концепта любви в обыденном сознании этноса, выделив дефиниционные, имплицативные и энциклопедические признаки рассматриваемого концепта. О.П. Воробьева (Киев) охарактеризовала языковую личность "другого" как предполагаемого адресата (идеального читателя) художественного текста. Семантика латинского синтаксиса в ракурсе проблемы "Человек в языке" получила освещение в докладе М.А. Таривердиевой (Москва). С.П. Попушанская (Волгоград) изложила результаты наблюдений над развитием категориальной семантики функционально-семантического поля темпоральности на материале древнерусских текстов, показав, что древние русичи осмысливали

прошлое как реальность, а будущее как нечто ирреальное, не как обозримое следствие. В.Я. Мыркин (Архангельск) предложил двухуровневую модель общения, состоящую из дискурса, понимаемого как облезличенный текст, и речи, трактуемой как естественное высказывание, включенное в коммуникативный контекст, и охарактеризовал контекстные семиологические элементы речи – референцированность, модальность, биографичность и интенциональность. В докладе В.И. Карасика (Волгоград) получили освещение доминанты культуры как характеристики языковой личности (отношение к старшим и младшим, к собственности, к труду, к чуду и др.). Темой доклада Т.Н. Снитко (Пятигорск) было смысловое и семантическое пространство как среда языковой личности.

Н.Ф. Алефиренко (Волгоград) и В.П. Москвин (Киев) рассмотрели значение и смысл в структуре языковой личности, определив главную демаркационную линию между анализируемыми понятиями как социологизированность значения и личностная сущность смысла; было показано, что вербализованный смысл является основной единицей речевого мышления, синтезирующей элементы культурологического, эмотивного и образного освоения мира. А.А. Зайскай (Саратов) осветил специфику понимания значения в теории языковедов Лондонской лингвистической школы во главе с Дж. Ферсом. Развитие полисного коллектива в античной Греции и влияние этого процесса на формирование языковой личности было темой доклада М.Н. Славятинской (Москва). Б. Динсберг (Бонн) охарактеризовал типы идиом в английском и немецком языках и показал культурно-ситуативную обусловленность выделенных единиц. Заимствования в антро-

понимание немецкого языка были проанализированы Л.В. Алимбековой (Волгоград). Н.А. Гришина (Волгоград) сообщила о специфике лексического выражения категориального признака рода в значении английского глагола. И.В. Сентенберг (Волгоград) рассмотрела динамические возможности лексического значения слова в тексте, выделив такие семантические процессы, как изменение конфигурации семного состава словозначения, мену векторных отношений между участниками процесса, нарушение стандартных ассоциаций слова и др. Формальная лексика английского языка и ситуативно-личностные характеристики общения с использованием такой лексики были показаны в докладе Ю.В. Алексиковой (Волгоград). Л.М. Ильченко (Армавир) осветила природу и особенности мотивации телескопических слов (блендов) в современном английском языке. Отражение языковой личности в категориальной семантике имперсональности было темой доклада Н.А. Тупиковой (Волгоград). Т.С. Чуприна (Волгоград) изложила результаты наблюдений над адвербиальными определениями в предложении в связи с характеристикой персонажей художественных произведений.

Различные аспекты эмотивной семантики освещались на заседаниях секции, которой руководил В.И. Шаховский (Волгоград). В его докладе шла речь о новой отрасли лингвистического знания – лингвистике эмоций (эмотологии), основными проблемами которой являются эмотивные знаки языка и их эмоциогенная прагматика, эмоционально-окрашенные контекстуальные понятия, эмоциональная языковая личность. Л.Е. Вильмс (Волгоград) охарактеризовала лексические значения единиц, называющих, описывающих и выражающих эмоцию любви в немецком и русском языках. В докладе И.В. Томашевой (Армавир) рассматривались эмотивные лакуны в лексической семантике. И.А. Троиллина (Волгоград) предложила функционально-семантическое описание категории эмотивности. Языковое отражение авербальной агрессии было темой сообщения Я.А. Покровской (Волгоград). Н.В. Думанова (Волгоград) изложила результаты сопоставительного исследования коннотативной лексики в русском и французском языках. М.А. Ягубова (Саратов) посвятила свой доклад языковой личности в оценочной картине мира, показав, что тематические ряды оценочных слов совпадают с основными составляющими языковой картины мира "Человек, Артефакты,

Внешний мир". Ю.Н. Маринин (Волгоград) сделал сообщение о фатической функции апеллятива в речевом акте поздравления.

Е.И. Шейгал (Волгоград) построила модель сленговой номинации современных представителей среднего класса США, выделив такие признаки, как социальный статус, место проживания, динамика социального успеха и др. В докладе В.Ф. Филатовой (Борисоглебск) были освещены основные знаковые характеристики обрядовой ситуации на материале фольклорных текстов, записанных в Воронежской области. И.В. Крюкова (Волгоград) посвятила свое выступление эргонимам – именам предприятий, организаций, обществ, союзов, предложила классификацию эргонимов и показала, что современная практика номинации частных предприятий в Волгограде нередко не способствует выполнению названиями рекламной функции. В докладе Л.Е. Колесниковой (Волгоград) была дана культурно-типологическая характеристика французских компартивов. В.И. Супрун (Волгоград) охарактеризовал статусно-ролевую семантику антропонимической гипокористики, отметив, что сокращенные личные имена вступают в системные отношения с паспортными именами, с мелиоративными и пейоративными дериватами. Н.В. Фоминых (Борисоглебск) изложила результаты экспериментального исследования обращения в речевом акте стандартного типа. Языковая личность телевизионного ведущего была темой сообщения Г.Н. Беспамятовой (Воронеж). Т.Б. Мульганова (Волгоград) осветила отражение статусно-ролевых отношений в языке судебно-медицинских документов. В докладе Р.И. Кудряшовой (Волгоград) рассматривались демиинутивы среднего рода в речи носителей донских диалектов. М.А. Тульнова (Москва) представила результаты наблюдений над лексикографическим представлением фоновых знаний в английском языке. С.В. Евстафьева (Волгоград) посвятила свое сообщение статусно-ролевой семантике в богословских текстах.

Семантика текстового пространства в рассказе В. Набокова "Рождество" была темой доклада В.С. Мыльникова (Волгоград), показавшего, что важнейшие составляющие этого пространства – рождение/смерть, свет/тьма, холод/тепло, чудо/обыденность – могут меняться своими семантическими планами. И.В. Быдина (Волгоград) посвятила свое выступление эмотивным характеристикам поэтического текста. Кате-

гория коммуникативной точности на материале текстов деловых писем рассматривалась в сообщении Е.В. К о в ш и к о в о й (Волгоград). К.Ф. П ч е л и н ц е в а (Волгоград) охарактеризовала особенности идиостиля Н. Заболоцкого, раскрыв архетипическую образность символов столпа и круга в творчестве поэта. В сообщении О.А. Д м и т р и е в о й (Волгоград) шла речь о конститутивных признаках афоризма на материале французского и русского языков. Е.А. П о п о в а (Волгоград) проана-

лизировала политический дискурс как разновидность институционального общения. Инициальные и финальные реплики диалога были предметом сообщения Е.В. Б о б ы р е в о й (Волгоград). На конференции были прослушаны также другие доклады. Участники конференции были единодушны в том, что обсуждение проблематики языковой личности было плодотворным и заслуживает дальнейшей разработки.

В.И. Карасик (Волгоград)